

Илона Разумовская

Забудь моё имя

“Любовь – это не только то, что мы чувствуем,
но и то, что мы делаем для других.”

18+

Илона Разумовская

Забудь мое имя

«Автор»

2026

Разумовская И.

Забудь мое имя / И. Разумовская — «Автор», 2026

Новая страна, новый город, новый дом — и новая семья вместе с новым отчимом, чьи взгляды заставляют меня вздрагивать. Меня презирают абсолютно все, словно вычеркнули из списка «своих». В элитной школе я — «бедная родственница», в огромном особняке — незваная гостья. Насмешки, бойкоты, анонимные угрозы — я учусь выживать в этом мире хрусталя и золота. Невидимая стена отчуждения растёт с каждым днём, а за вежливыми улыбками скрываются острые шипы. И чем глубже погружаюсь в тайны влиятельной семьи, тем яснее понимаю: их безупречная репутация построена на молчании. Дворцы, состояния и ювелирка — лишь фасад. За ним — страх, предательство и тени прошлого, которые тянутся ко мне. Я должна не только защитить маму, но и решить: остаться пешкой в чужой игре или рискнуть всем, чтобы обрести свободу и, возможно, любовь. Ведь это не компьютерная игра, а настоящая жизнь, которая может случайно оборваться.

© Разумовская И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Илона Разумовская

Забудь мое имя

Пролог

Новогодняя ночь. 2024-й год сменяется 2025-м. Лестничная площадка. Россия.

– Тебе никогда не понять, насколько сложна моя жизнь... И из-за неё мне приходится быть изворотливым: не попадать в конфликты и сплетни, всегда сохранять хорошее настроение, быть сильным, мужественным. Я попросту не могу быть собой. Всё, что я говорю или делаю, становится достоянием общественности. Я уже забываю, кто я на самом деле. Все эти контракты, тексты, никакой свободы. Я больше не личность, я марионетка для продюсеров и идеал для фанатов, но я не такой идеальный как все считают. И ты знаешь, что со мной происходит каждый день: мои панические атаки, тремор рук, рвота. Ты никогда не задумывалась, как мне сложно сейчас. Я не в порядке и мне нужны надежные люди. Как мне после такого доверять людям? Они каждый раз бросают меня и делают мне больно, – сказал Ваня хриплым до боли голосом. Я все понимаю, он звезда. Это – большая ответственность, но я не могу каждый раз бежать и спасать его. Его держит дружба и моя поддержка, а меня надежда на что-то большее нежели приятельство. Я привязалась к нему.

Я попыталась вслушаться в его слова, но нахлынувшие чувства – те, что я подавляла долгие месяцы, – взяли верх. Я хотела его перебить...

– Но ты даже не пытаешься... – начала я, однако предательские слёзы уже текли по щекам. Руки задрожали, сердце забилося чаще, разум отступил на второй план, а сознание затуманилось. Я задыхалась, изо всех сил пытаюсь сдержать рыдания. Да, такова я: иногда эмоции переполняют меня и выходят из-под контроля. Это невероятно тяжело.

– Не смей говорить, что я не пытаюсь спасти нашу дружбу! Ты мне очень дорога, но я не могу так. Это вгоняет меня в депрессию. Я провожу долгие дни и ночи, не зная, в чём моё истинное призвание, что такое настоящая жизнь... Я всё больше теряю себя. Ты не вправе указывать мне, что делать на работе. Я артист – иногда приходится совершать определённые поступки и поддерживать образ: не расстраивать фанатов, быть для них идеалом. Так сказал продюсер. У нас контракт – я не могу пойти против него. И вообще, я не понимаю, что тебя не устраивает!

Он взял меня за руку и притянул ближе, пытаюсь доходчиво объяснить, что вся эта проклятая ссора – моя инициатива. Но я ненавижу ругаться с ним.

Ваня для меня – как чистый лист после всей той боли, что я пережила в Испании. Я просто не могу его потерять. С начала года он вскружил мне голову, но я держусь: сильнее любых чувств, которые он во мне пробуждает.

Я не хочу быть жалкой девушкой, ищущей любовь в каждом, кто проявит ко мне доброту или жалость. Для него я лишь лучший друг – тот, кто в любую минуту бросит всё и придёт на помощь.

Я не верю, что любовь можно получить просто за существование. Её нужно заслужить. Моя установка – «Я сильнее чувств к нему. Он не узнает о моей любви» – служила надёжным щитом. Но сейчас он, кажется, дала трещину. И, похоже, я устала скрывать свои чувства. Я хочу жить настоящим, а не питаться иллюзиями. Хватит тешить сердце надеждой, что он тоже меня любит, просто не решается сказать. Эти слова я должна услышать от него – живую. Пора перестать жить мечтой. Такую девушка, как я... Вряд ли кто-то полюбит меня, но и надеется на что-то большее я не могу. Нужно узнать чувствует ли он тоже что и я : крутит ли у него живот при виде меня, как у меня при виде него, чувствует ли он спокойствие находясь рядом

со мной, нужна ли ему я как кислород? Самое лучшее для меня это спросить сейчас, пока не поздно и я еще смогу его отпустить.

Пока я размышляла, что нам делать, он вдруг посмотрел на меня – взглядом, пробивающим до дрожи, вызывающим бурю неподдельных эмоций. Так смотрят, когда узнали страшный секрет или поняли то, от чего зависит их жизнь.

– Что? Почему ты так смотришь? Что я сделала не так? – спросила я дрожащим голосом – то ли шёпотом, то ли он сломался от крика.

– А-а-а, точно... Что же я сразу не понял! Ты всё это время просто играла со мной, да? Хотела «дружить» из-за моего положения или статуса? А может, ещё что-нибудь похуже: сломать карьеру, подставить или использовать? Ты же знаешь, что ради тебя я и контракт разорву, и из индустрии уйду. Может, ты изначально заговорила со мной именно из-за этого? Ты что, работаешь на другую компанию по продвижению артистов? Решила похоронить мою славу? Я уже не знаю, что и думать, Изадора.

– Что ты имеешь в виду? Я бы никогда не стала играть в дружбу. Да и врать не умею вообще. Что происходит, Ваня? Тебе кто-то что-то про меня сказал? Ты же знаешь: они хотят настроить тебя против меня. Меня не любят одноклассники – им лишь бы слухи распустить, особенно про тебя. Ты же звезда, не гоже тебе общаться с такой девушкой.

Я не знала, что произошло, но Ваня резко побежал вверх по лестнице, бормоча ругательства, которые я не могла расслышать.

– Ваня, Ваня, ты куда? Эй, подожди! Постой, я не хочу всё так оставлять. Ты же знаешь: сбежать – не лучший способ избежать разговора. Но я не хочу, чтобы ты думал обо мне гадости и обдумывал происходящее без меня, так можно и порушаться из-за выдумки других людей, а я не хочу так заканчивать! – крикнула я, пытаюсь догнать его.

– Что ты хочешь от меня? Мы же дружим – всё как было. Ладно, я закрою глаза на твоё странное поведение сегодня. Я в тупике и мне нужно подумать, что делать дальше, – сказал Ваня, захлопывая дверь на крышу прямо перед моим носом. Словно давая понять: разговаривать он не намерен.

Не знаю, что на меня нашло, но я решила: нельзя оставлять его одного – особенно в новогоднюю ночь. К тому же он не в себе и пьян. Ссора плюс алкоголь – явно не лучшее сочетание. Я почувствовала: это ни к чему хорошему не приведёт.

Аккуратно открыв скрипящую дверь, я увидела его: он сидел на краю крыши. Не зная, что он собирается делать, я рванула к нему, пока не поздно. Он для меня весь мир, я не могу его потерять, маму я уже потеряла, но не тебя.

– Дело не в том, что я запрещаю тебе работать или не поддерживаю тебя. Просто я так не могу...

– Да чего ты сюда пришла? По-русски непонятно, что ли, Дори? Я уже всё забыл. Отвали от меня быстрее, – бросил он, вставая рядом со мной.

Дори. Это чёртово сокращение моего имени. Никто и никогда не называл меня так. Я – Изадора. Но он придумал «Дори». И мне это безумно нравится. Для меня эта кличка – как глоток свежего воздуха и ассоциация с Ваней.

– Ну послушай меня. Раз уж я решила тебе об этом сказать...

– Стоп, стоп, стоп. Если ты не принимаешь меня таким, какой я есть, мне не нужен этот разговор и такой человек как ты.

Его голос сорвался на высокой ноте. В глазах, затуманенных алкоголем и обидой, блеснул опасный огонёк. Он сделал шаг назад – ближе к пустоте за краем крыши. У меня сердце ушло в пятки.

Снежинки таяли на его горячем лице. Я замерла, боясь сделать лишнее движение.

Теперь мы поменялись местами: я стояла, облокотившись на фасад здания. Ваня подошёл настолько близко, что мог заглянуть мне в глаза. Я невольно отпрянула: боялась, что он услы-

шит, как бешено стучит моё сердце. Оно меня подводило. А учитывая, что я тоже сегодня пила – и далеко не воду, – все чувства обострились, а адреналин притупился. Я сделала шаг назад.

– Нет, нет, я не об этом, – сказала я, делая шаг к нему.

– А о чём тогда? – рявкнул Ваня и схватил меня за руки.

– Ты сегодня совсем не своя. Я приехал на Новый год к твоему отцу, чтобы праздновать вместе. Ты мне важна, и твоё мнение тоже. Но мне очень многие говорят, что я зря с тобой связался. Я абсолютно запутался во всём, а ты чего-то хочешь от меня. И вся эта ситуация напоминает мне про слухи о тебе.

Я перебиваю его, не могу больше слушать все это, почему дети такие жестокие? Но этот вопрос останется без внимания в моей голове так, как я наконец решила на эти слова: – Да, ты мне нравишься. И не просто внешне. А я люблю тебя! Ты не представляешь, как сложно мне говорить это тебе. Я никогда в жизни не видела человека, настолько светящегося изнутри. Ты стал для меня центром вселенной, подарил иллюзию безопасности... Я жить без тебя не могу! Понял, да? – выпалила я, быстро промямлив последние слова, и ударила кулаком ему в грудь.

Его лицо не выражало никаких эмоций – или, наоборот, в нём читались огорчение, злость и тоска.

Видя его реакцию, мне стало не по себе. «Я ему не нравлюсь? Я настолько глупо ошиблась и не поняла его намёков?» – пронеслось в голове, нет нет, зачем я ему призналась!

Забыв, что мы на крыше, я начала пятиться назад в ужасе от происходящего. Ваня больше меня не держал. Он был в шоке – как и я, когда поняла, что скольжу с маленького ограничителя балкона.

– Изадора, что ты творишь? Держись! Дай руку быстрее! – рванулся Ваня ко мне.

Но я, разочаровавшись в его реакции, была как во сне: чувствовала всё, но не могла управлять собой. Моя личность будто оказалась в железной клетке, а ключей у меня не было. Душа умирала, не зная, что вслед за ней могу умереть и я.

– А-а-а-а, я не могу... Ваня... Не забывай моё имя, прошу... – это последнее, что сорвалось с моих губ, когда я попыталась вырваться из чувственных оков. Но было уже поздно.

Я летела вниз с крыши девятиэтажного дома отца, так и не увидев реакции Вани и не услышав его ответа.

Единственное, за что мне было обидно: я ни разу за всю жизнь не слышала слов о любви. И за то, что боялась их произнести. Но сейчас я не жалела об этих словах. Только они сделали меня живой за весь год. И какая ирония: именно они меня и убили.

Только об этом я думала во время своего «полёта» вниз.

Глава 1. Новая жизнь

За год до этого. Испания

Изадора.

– Дорогая, иди завтракай. Не хочу быть назойливой мамой – мы ведь с тобой как подружки, – мама улыбнулась мне, потрепала меня по голове, и вернулась к приготовлению завтрака. – Но ты можешь в школу опоздать. Первый раз в 11-й класс, в новой школе и стране. Жалко, конечно, что в твою старую, родную не берут: там только 9 классов. Но тоже неплохо. Плюс мы всё равно хотели переезжать из России, правда же? Ты там только родилась, ты же помнишь об этом? – сказала мама даже не обернувшись ко мне. Для нее все было очень просто, но не для меня.

Мама выгнула бровь и топнула ногой:

– Но ты же даже язык знаешь?

– Я не знаю, что я здесь делаю, мам. Я хочу обратно в Славград. Он хоть и небольшой город, но всё же лучше, чем Арсия. И вообще, почему мы тогда говорим по-русски, если давно здесь живём и почему ты не знаешь испанский? Кстати, у нас осталась квартира в родном городе? Или ты из-за великой, всепоглощающей любви всё продала, сожгла все мосты – и нам

теперь некуда вернуться? – я закатила глаза. Мама смотрела на меня как на осла посреди белого дня, которого никак не смогла бы увидеть в обычный день. Как будто я какую-то чушь говорю.

Я сделала паузу, набираясь смелости продолжить:

– Я не хочу жить здесь, делая вид, что я гламурная девушка, готовая за туфли потратить баснословные деньги. Я не такая, как они. Я жила в России в хрущёвке – мне чужды эти особенняки. И ты это знаешь. Для меня важно то, что внутри, а не снаружи.

Мама подошла и обняла меня за плечи.

– Конечно, знаю. И вообще не говори так. Я не хочу забывать свои корни и язык. Твой отец всё равно здесь работает и живёт, так что приходится адаптироваться. Я хочу самого лучшего для тебя, дорогая.

Её голос звучал мягко, но в глазах читалась твёрдость. Я понимала: она искренне верит, что поступает правильно.

– Я понимаю и не хочу грубить, но... Даниэль мне не отец, и ты это знаешь. А ты всё равно называешь его моим папой, – сказала я, стараясь не язвить.

Слишком много проблем и ошибок накопилось – их нужно исправлять. Не хотелось противостоять маме: я уже в Испании, и ничего не изменить. Она – моя мама, я люблю её. Но хочу, чтобы с моим мнением тоже считались. Я не куколка в каком-то замке. Я – человек, но видимо она видит во мне только ребенка, который по любой ее прихоти сделает то, что она говорит.

Мама резко поставила чашку на дорогой стеклянный стол. Стекло тонко звякнуло. Я думала оно разобьется, настолько яркий был звук. Она сжала челюсть:

– Нет, он твой отец. А то тебя тут будут унижать в школе. Я всё продумала: если они узнают, что ты как минимум не полукровная испанка, будет нехорошо. Ты не сможешь влиться в их общество. А я так хочу, чтобы твоя жизнь была замечательной, не такой как у меня.

Она сделала шаг ко мне, взгляд стал пронзительным:

– И хватит уже об этом, Изадора. Ты – русская испанка. Я так решила. Я же не зря тебя так назвала: международное имя – Изадора. – Мама посмотрела на потолок, как бы пробуя на вкус наше новое будущее в Испании и представляя его видимо светлым и без проблем, но ее мировоззрение отличается от моего.

Мне повезло: пока мы разговаривали, пришёл мой отчим – Даниэль. Испанец, взявший в жёны русскую и официально оформивший опеку надо мной. Я в шоке, но он не так прост, как кажется. Почти уверена: он не просто так появился в жизни моей матери. Впрочем, я ни маме, ни кому-либо ещё об этом не говорю слишком уж много у меня к нему претензий, что можно считать, как признание только потому, что он мужчина.

Да, этот разговор я слышала много-много раз. Но я не собираюсь жить здесь. Честно говоря, в России меня тоже ничего не ждёт – и никого нет. Однако постоянные назойливые испанцы меня совершенно не радуют. Не мой, как говорится, вайб. Но кто меня спрашивает?

Нужно сбежать отсюда – и срочно. Школа для богатеньких мне не по душе. Да и весь этот дворец, набитый вычурными дорогими предметами... Как моя мать согласилась на такое? Уехать из страны за иностранцем, жить на его территории, уволиться с работы, лишиться собственных денег и запасных планов... Это, конечно, смело – и глупо. Я бы никогда на такое не пошла.

– Oh, cariño¹, ты прекрасна. Будешь учиться в школе, которую я закончил. Она отличная: там есть всё для спокойного, но яркого завершения школьной жизни. Тебе, несомненно, будет сложнее, чем остальным: ты не носительница языка, а здесь никто особо не знает русский. Может, только английский – но и он для тебя не родной. – Даниэль хищно улыбнулся и закинул свою руку мне за плечо и приобнял, но продолжил говорить. – Ха-ха, так что вам с мамой повезло: я ради моей куколочки... – Даниэль отстранился от меня и звонко поцеловал маму в

---

¹ О, дорогая

щёку, – выучил этот сложный, но поистине красивый язык, – сказал он то ли с надменностью, то ли чтобы напомнить маме о расстановке сил в «нашей семье».

Даниэль медленно сократил дистанцию со мной. Его голос стал ниже, для того чтобы только я его услышала, он не испугается маленькой проказницы на пути к успеху:

– Дорогая, давай будем честны: в этом городе ты – лишь красивая тень без права голоса, пока я не решу иначе. Твоё благополучие, твой комфорт и даже то, как на тебя посмотрят в этой школе, – всё это инвестиции, которые я делаю в свой проект, и в добавок зависят от меня, я могу сделать все что покажется мне нужным и правильным. Я выучил ваш язык не из вежливости, а чтобы между мной и твоей мамой не стояло ни единого барьера. Ни языкового, ни морального.²

Едва заметно улыбнувшись маме, но сохранив холодный взгляд, он добавил:

– Так что прими это как данность: я – твоя свобода, и я же – твои стены. Но тебе ведь всегда нравились надёжные конструкции, не так ли?

– Да-да, Даниэль. Pero no eres el único que sabe este idioma, así que no te preocupes por mí u por mamá. No nos perderemos³. Во всех смыслах последнего слова, – бросила я, не думая о последствиях, уже на русском.

– Это мы ещё посмотрим. Желаю удачи, – произнёс он и наклонился, чтобы поцеловать мне руку – как принято в лучших традициях Испании, особенно в семье де ла Роса.

Этот клан имел огромное влияние на королей в прошлом. Теперь он влиял и на президента, и на короля. Власть во всех её проявлениях, видимо.

Мама не знала языка – и это играло мне на руку. Я могла говорить всё, что захочу. Но такое отношение касалось только Даниэля: он слишком заносчивый.

И тут, вместо того чтобы начать ругать меня или косо посмотреть, он резко повернулся ко мне. Очень медленно наклонился к моей шее, вдохнул аромат духов – и, точно червяк, что-то скрывающий, зашептал:

– Твой переход с испанского на русский звучит как шах и мат. Раз вы с мамой во всеоружии и «не потеряетесь» – ни в языковой среде, ни в жизненных обстоятельствах, – мне остаётся только оценить твою уверенность. Но нужно ли мне напоминать, что не стоит недооценивать окружающих? Лучше их преувеличить, чем потом остаться в дураках, верно? Будем считать, что правила игры установлены.

Он слегка надавил на моё ухо губами. От неприязни меня передёрнуло, но стоявшая рядом мама не дала скорчить гримасу – эту гримасу для придурка-отчима.

Почему мама не задаётся вопросом, что Даниэль стоит слишком близко ко мне и касается губами моего уха? Да, со стороны это, наверное, выглядит как случайное прикосновение... Но я не уверена. Или я всё это придумала?

– Что на повестке дня дальше? – спросил отчим, уже на русском давая маме понять, что поставил меня на место и конфликт исчерпан.

Но мама не знала о его последней фразе. Получается, я начала войну с ним.

Ладно. Я никогда не считала людей открытыми книгами. Я пыталась найти в них самые глубокие, самые грязные мысли. Что бы они ни делали, какие бы маски ни надевали – я старалась просчитать все их ходы. Нужно быть с ним аккуратнее: я не хочу здесь долго оставаться.

– Ну, на повестке дня как минимум то, что ты, Даниэль, должен был уже вести Изадору в школу – десять минут назад! Она не должна опоздать. Ты же сам знаешь, насколько важно первое впечатление о человеке. Так что – быстрее! В школе новый директор, который хочет провести собрание.

---

² Прим. Здесь диалог Даниэля и Изадоры идет на испанском

³ Но ты не единственный, кто знает этот язык, так что не волнуйся за меня и маму, мы не заблудимся.

– А что, прошлого посадили за взятки? – бросила я шутливым тоном чтобы поддержать легкий диалог, даже не думая, что это может быть правдой.

– Ага, типа того. Садись уже в машину, – скомандовал отчим.

– Даниэль, у тебя же столько персонала! Пусть меня какая-нибудь экономка отвезёт. Негоже такому высокопоставленному человеку подвозить какую-то бесполезную девчущку.

Я не горела желанием ехать с ним после разговора на кухне.

– Да-да, деньги есть. Но я же не могу бросить свою дочурку в первый школьный день. Я хочу с тобой поговорить. – сказал отчим, беря меня за локоть и ведя в свою новенькую машинку.

Когда мы пришли к машине, он провёл рукой по моей спине – медленно, вверх до плеча, – а потом резко хлопнул по руке, будто моя спина во всём виновата.

– Раз уж ты, Изадора, решила, что я тебе враг, то и пользоваться моими привилегиями и деньгами не можешь. Давай договоримся: я тебе жизнь не порчу – и ты мне её не портишь? – произнёс он с медвежьим оскалом, как будто мажорчик обиделся за то, что деньги отца это не его деньги, впрочем он вырос и это его деньги, но суть того, что он бывший мажор не меняет, бывших мажоров не бывает, все вы выросли с золотой ложкой в орту. Мое лицо скривилось

– Ой, серьёзно, Даниэль? Теперь мы будем, как в дешёвом сериале, враждовать, как последние малолетки? Ты всерьёз думаешь, что это моя цель? – сказала я, не подумав в более грубом тоне чем ожидала, но не стала делать вид, что так не планировала.

Я подошла к нему ближе и грубо толкнула в плечо:

– Мы не в дешёвой драме. Я хочу для мамы только счастья. Пока ты не причиняешь ей вреда, мне всё равно, кто ты и что делаешь. Я не лезу в её жизнь. Надеюсь и вы не полезете в мою. – я специально сказала вы, чтобы сохранить с ним дистанцию и показать, что я не тупая девчущка.

Напоследок я бросила, перед тем как захлопнуть дверь машины:

– Вражда ради самой вражды – пустая трата ресурсов и времени. Я не эгоистка, но и не твоя дочь, чтобы ты имел хоть какую-то власть надо мной. Ты для меня – незнакомец. Не забывай об этом.

Для меня уж лучше быть одной, чем иметь дело с людьми, желающими мне несчастья или притворяющимися друзьями и родственниками. Похоже, придётся найти работу в Испании – я хочу быть независимой от «отца».

После недолгого диалога Даниэль остановился у школы. Я хотела поскорее выйти из машины, но отчим в последний момент заблокировал двери.

– Что ты делаешь? Я хочу выйти, и ты это знаешь. Если ты будешь держать меня здесь против воли, это уже преступление, если ты не в курсе, – сказала я, стараясь сохранить спокойствие в голосе и непринуждённый вид. Будто не чувствую от него опасности и аккуратно взялась за ручку двери, чтобы как можно раньше выскочить из машины при первой же возможности.

– Я просто хотел напомнить: веди себя хорошо. Никому не хами, будь спокойной. И, конечно же, не водись с мальчиками. Моя фамилия такого не потерпит – только не ребёнок в 17 лет, прошу тебя.

Точно. На моё шестнадцатилетие мама подарила... приказ. Сходить с ней в загс и поменять фамилию. «Мы же скоро летим в Испанию, а Даниэль – твой настоящий опекун». И вот я – Изадора Де ла Роса.

А я-то думала, он скажет, что-то воодушевляющее. Или даст наставление. Но нет – он переживает за своё «честное имя» и за то, чтобы родственники были довольны. Господи, как низко. Он что, считает меня малолетней шлюхой?!

«Вот приеду в Россию и поменяю обратно на мамину. Буду Изадора Орлова. Да, не лучший вариант, но зато как у мамы. Зачем она назвала меня таким странным именем? Вот она – Елена Орлова. Нормально. А я... Блин, не люблю своё имя».

– Хорошо, поняла, – ответила я безэмоционально.

Проблемы с отчимом мне сейчас явно не нужны, – подумала я, выходя из машины аккуратно, без лишних, неграциозных движений, чтобы не дай бог не спровоцировать отчима.

Вот она. Школа для богатеньких деточек, которым нужен хороший статус и контроль – мало ли, сопьются в 17 лет... Ха-ха, смешно. Они, наверное, только и делают, что тратят деньги своих родителей, вместо того чтобы представлять из себя кого-то или хотя бы не доставлять предкам проблем.

Теперь это место – моя новая тюрьма. Привет, La Excelencia. Даже название переводится как «превосходство». Господи, как цинично.

Главное – не привлекать внимания. Мне большего от этой школы не нужно.

Вроде бы сначала надо зайти к директору, взять расписание – а потом посмотрим, что делать. Я быстро нашла кабинет: он прямо напротив входа. Остановилась у двери и выдохнула, чтобы сосредоточиться перед разговором. Я так делаю всегда, когда не могу заранее подготовиться к предстоящему событию.

– Что, зайти не можешь, бейби? Тебе рассказать, как открыть дверь? ⁴– подошёл ко мне какой-то придурак. Так я подумала – пока не разглядела его. Светлые, яркие, как голубая ночь, глаза. Стройное, подтянутое тело. Прелестные кудрявые волосы цвета песка – точь-в-точь как мои, только короткие. Очень мало людей я видела со светлыми волнистыми волосами. Похоже, мы оба – исключения.

Но я не дам ему почувствовать себя особенным. Стоит таким, как он, увидеть, что ты ими заинтересовалась, – сразу начинают наглеть. Со мной это не прокатит.

– Оставь инструкции для тех, кому они нужны, – я окинула его коротким взглядом, не сбавляя темпа. – Со своей дверью я разберусь сама – если она решит пойти на сотрудничество добавила я последнюю фразу разбавляя жестокость диалога и смещая его в шутку, не хочу, чтобы потом меня все избегали.

Его самоуверенность была почти осязаемой. Как и этот странный цвет глаз, который он явно считал своим главным козырем.

«Как банально... А я-то надеялась, что, может, он не такой заносчивый», – подумала я.

– Ты теперь сотрудничаешь с дверью, а не с людьми? Я-то буду более стоворчивым себе-седником, – подмигнул самовлюблённый кретин.

Ему явно нравилось донимать людей пустыми разговорами – лишь бы потешить своё тщеславие. Но со мной это не прокатит, повторила я себе. Я люблю играть с огнём – но не более. Такие красавчики меня не берут. Для меня есть только одна сексуальная часть человеческого тела – это мозг.

– О, какая честь для меня! – ответила я, едва сдерживая ироничную улыбку и сделала мини реверанс. – Значит, теперь мне предстоит вести диалоги с предметами интерьера? Надеюсь, дверь окажется куда более красноречивой и менее заносчивой, чем некоторые... представители человеческого рода.

Я выразительно посмотрела на него – давая понять, что его самодовольство меня ничуть не впечатлило. И я не тот человек, который обо всём забудет в его «ярких» глазах.

Он хотел, что-то сказать – наверное, язвительное, – но я перебила:

– Слушай, «рыцарь», ты дверью не ошибся? – Я вскинула бровь, даже не поворачивая головы. – Если хочешь поработать швейцаром, надень ливрею⁵. А если просто поболтать –

---

⁴ Здесь и далее диалоги идут на испанском

⁵ Ливрея (от фр. livree) – это форменная одежда слуг (лакеев, швейцаров) в богатых домах.

найди кого-нибудь, у кого времени больше, чем терпения. И вообще, тебе разве в эту дверь нужно? – Я указала на дверь директора. – Кабинета физкультуры в другой стороне. Ты явно спешишь туда: такие качки обычно не сильны в искусстве переговоров.

Его ухмылка на секунду дрогнула. Похоже, он привык, что девушки тонут в его голубых глазах, а не выставляют за дверь, намекая на неумение выразиться этично с человеком, которого видишь впервые.

Но он не растерялся. Вместо того чтобы уйти, сделал шаг вперёд – сократил дистанцию так, что я почувствовала запах его тела.

Душился он явно как девчонка, которая хочет, чтобы шлейф её духов доходил до всего мира – или хотя бы распространился по всей комнате, убивая и докучая бедным аллергикам. Но, что уж говорить, пах он весьма сносно – чем-то очень дорогим.

– Ливрея мне не пойдёт, – нагло усмехнулся он, глядя прямо в глаза. – А вот тебе явно не хватает компании, раз ты так старательно строишь из себя ледяную королеву. Тебе найти платье? – он аккуратно просмотрел все мое тело и сделал такое движение как будто он портной. – Сама веришь в этот спектакль или просто ждёшь, когда кто-нибудь рискнёт обжечься? – продолжил он

«Обжечься об лёд? Ну, он явно химию прогуливал. Может, я хочу, чтобы люди вокруг замёрзли и просто обходили меня стороной, зная, что не смогут прикоснуться к снежной королеве?» Естественно, вслух я этого не сказала. Слишком откровенно. Я не хочу, чтобы кто-то лез мне в душу.

Он прислонился плечом к косяку той самой двери, которую я не могла открыть, и сложил руки на груди – всем видом показывая, что никуда не торопится.

Я медленно выдохнула и, резко сменив гнев на притворную покорность, одарила его самой обезоруживающей улыбкой из своего арсенала. Той, которую так старалась отрепетировать перед зеркалом – чтобы удачно надевать «маску» безразличия, радости или агрессии, когда испытываешь совершенно противоположное. Хорошая маскировка – залог того, что человек не сможет прочесть тебя как открытую книгу.

– Знаешь, а ты прав. Это был спектакль, – я сделала полшага к нему, заставив его чуть напрячься, повернула голову на бок и начала активно хлопать глазками и строить из себя дурочку. – Раз ты такой проникательный и сильный, покажи мастер-класс. Открой её. Но учти: если не справишься с первого раза, звание «рыцаря» переходит к замку, а ты идёшь искать ливрею.

Я демонстративно отошла в сторону, показала на дверь руками тем самым освобождая ему «сцену».

Его глаза азартно блеснули – он явно не ожидал, что я так быстро приму его вызов.

Он только пафосно занёс руку над ручкой, собираясь одним эффектным движением подтвердить статус «героя вечера», – как дверь внезапно распахнулась сама. Прямо перед его носом выросла монументальная фигура директора. Тот поправил очки и сурово посмотрел на парня, застывшего в весьма нелепой позе с протянутой рукой.

– Валерио, ты решил подпираться косяки вместо подготовки к занятиям? – голос директора прозвучал как гром среди ясного неба. – Или ты надеялся, что дверь откроется силой мысли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.